

Валерий Тодоровский уверен, что отечественным фильмам не надо стремиться на международную арену

Екатерина Барабаш

Валерий Тодоровский пришел в кино сначала как сценарист. Став режиссером, сценарии к большинству своих фильмов он писал сам. Практически все его фильмы — «Любовь», «Подмосковные вечера», «Страна глухих», «Любовник», «Мой сводный брат Франкенштейн» — имели не только зрительский успех, но и были отмечены фестивальными наградами. В 2000 году Тодоровский пришел работать на телевидение — сначала на должность главного продюсера по кинопроизводству канала «Россия», последние три года он советник гендиректора по кинотелепроектam. В этом качестве выпустил несколько серий «Каменской», «Бригаду», «Линию судьбы», «Курсантов» (номинарованный на «Эмми»), «Идиота», «Мастера и Маргариту». Последняя его работа как продюсера в «большом кино» — блокбастер «Охота на пиранию».

Валерий, придя несколько лет назад на канал «Россия», вы вроде как отчасти перекалифицировались в госслужащего?

— Сейчас я всего лишь советник генерального директора. Не подписываю бумаг, не принимаю решений. Делаю для телеканала несколько проектов. — **Когда вы пришли на телевидение, при слове «сериал» нормальный человек вздрагивал — настолько они были чудовищные. Чего ради вы занялись этим, с позволения сказать, низким жанром?** — Меня многие презирали, когда я на это решился. Но я никогда не был снобом и в отличие от многих считаю, что сериал — это то же кино, только длинное. Я видел, что эта индустрия на глазах создается. Возможности бы-

Валерий Тодоровский с рейтингом имеет отношения такие же, как с солнцем, луной и дождем.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

Другое дело, что сейчас мне это уже не так интересно. Я сделал несколько успешных сериалов, которыми могу гордиться, — «Бригада», «Закон», «Линия судьбы». Но самые успешные долгоиграющие сериалы — те, которые закупаются за границей и адаптируются для нас. Этим заниматься я не могу и не хочу, и потому решил оставить для себя только некоторые спецпроекты. Вроде «Мастера и Маргариты» — это же совершенно особый случай, который не укладывается ни в какие форматы.

не мог не то что просчитать, но даже примерно прикинуть, будут это смотреть или нет. Просто появилась идея — снять этот фильм. Думаю, что страна, имеющая великую литературу, обречена на экранизации. В Англии каждый год появляется очередная экранизация Диккенса. Мы пригласили хороших актеров. Сняли честно, понимая, что это не поле для экспериментов. Но больше я не хочу этим заниматься. Сейчас стали всю экранизировать нашу литературу, я думаю, это большая ошибка. Такие вещи нельзя ставить на конвейер. Уже снимают «Бесов», «Братьев Карамазовых», кто-то заявил о «Воине и мире». Это штучный товар, и чтобы появилась «Война и мир», нужен был Бондарчук. А просто взять и снять сериал потому, что есть большая книга, — этого недостаточно. Но тот интерес, что возник у зрителей к «Идиоту» и «Мастеру и Маргарите», все-таки подтвердил нашу правоту.

— Вы имеете в виду рейтинг? Кстати, какие у вас с ним отношения?

— Такие же, как с солнцем, луной, дождем. От них тоже никуда не денешься. У нас отвратительный климат, но живем-то мы здесь. Был период, когда я ненавидел рейтинг, потом пришло понимание того, что это штука неизбежная, потому что только она может показать реальный интерес зрителей. Другое дело, что есть замечательные фильмы, у которых рейтинг очень низкий, а есть чудовищные фильмы и программы,

рейтинг которых зашкаливает. Что поделаешь — значит это смотрят. Тут главное — понимать, что ты делаешь и для кого. — **Я помню, какая массивная реклама была и у «Идиота», и у «Мастера и Маргариты», покруче, чем у «Ночного дозора». Разве с такой рекламой можно было не обеспечить хороший рейтинг?**

— Рекламная кампания всегда соседствует с любым проектом, на который делается ставка, без нее никуда. Но тут есть важный момент: надо понимать, что никакая реклама не обеспечивает рейтинг, она работает только на первые две серии. Если зрителю не нравится, он дальше смотреть не будет. Если он смотрит дальше второй серии, значит, проект удался, и дело не в рекламной кампании.

— Бюджет этих фильмов в конечном счете окупился?

— Я занимаюсь только творческой частью, а все, что касается продвижения, промоушна, — это уже не мое. Знаю только, что затраты на те фильмы, о которых мы сейчас говорим, в результате оправдались.

— Сейчас много говорят о возрождении российского кино. У вас есть ощущение, что наше кино действительно встает на ноги?

— Если быть оптимистом — то да, наверное, кино возрождается. Я сам последние 15 лет прожил в состоянии чудовищной стагнации, когда русский фильм не был нужен никому — ни прокатчику, ни зрителю. Не было ника-

кой системы, снимали просто для того, чтобы снять, чтобы потом, может, на какой-нибудь фестиваль поехать. Сейчас появились нормальные кинотеатры, люди стали ходить в кино. Значит, о каком-то возрождении уже можно говорить. Насколько оно уже состоялось, я судить не берусь, думаю, что пока есть только шансы. Через несколько лет станет ясно, как это работает, произойдет здоровое разделение кино. А то сейчас все кинулись снимать блокбастеры, но ведь нужно и «нормальное» кино. Пока нет системы, нет правил игры. В конце 90-х, правда, тоже появились признаки оживления, а в 98-м все рухнуло. Подождем. — **Все-таки эйфория по поводу возрождения нашего кино основана только на цифрах, в основном на суммах кассовых сборов. При этом большую «кассу» собирают фильмы, о качестве которых можно поспорить...**

— Хороший или плохой фильм — это решает зритель. Фильмы востребованы. Инвесторы готовы вкладывать деньги. Зрители готовы выкладывать деньги. Все остальное — дело вкуса. Вы можете сказать: Сокуров — лучший в мире режиссер, все остальное дрянь. Но посмотрят его фильм считанные единицы. А у нас в стране 140 миллионов, и они готовы смотреть русские фильмы по телевизору, покупать видеокассеты, DVD, ходить в кино. Конечно, должно быть и артхаусное кино, и залы, где его показывают, — но это уже другое дело. Процесс возрождения — в циф-

рах. Вот когда все станет совсем хорошо, в кинотеатрах будут идти и те фильмы, которые нравятся, например, лично вам, и реклама у них тоже будет. Только она будет иначе расположена.

— Почему при этом российское кино никак не станет частью мирового кинопроцесса? «Ночной дозор», который собрал большую «кассу» в России, в американском прокате провалился. На крупные фестивали нас не зовут.

— Российское кино, безусловно, не является частью мирового кинопроцесса. Так же, кстати, как и советское кино. Ведь быть частью мирового кинопроцесса — это не Золотая пальмовая ветвь фильму Калатозова «Летят журавли». Быть частью мирового кино означает, что русское кино смотрят в Америке, Африке, Австралии, Европе. Но у нас есть своя страна, где мы становимся нужны, где уже нас постепенно хотят смотреть.

— Но если снимается хорошее кино, отчего оно не востребовано за пределами России?

— Если вам сейчас скажут, что завтра вечером в кинотеатре в Бибирево показывают потрясающий монгольский фильм, вы пойдете? Французы смотрят французское кино, итальянцы — итальянское, немцы — немецкое, и все вместе смотрят еще и американское кино. За сто лет американцы превратили свое кино в мировой бренд, как кока-кола или «Макдоналдс». Они потратили миллиарды долларов и нечеловеческие усилия, начиная со времен Чаплина и Мэри Пикфорд, на проникновение в газеты и журналы, в умы, в сознание. Кино — это колоссальный сегмент их экспорта. В России люди идут в кино, чтобы увидеть знакомые лица, знакомые реалии. А американское смотрят потому, что американское кино — это мировая фабрика развлечений.

— Вероятно, помимо денег, много еще не хватает. Чего?

— В первую очередь не хватает новых, талантливых, смелых людей. 15-летний провал в нашем кино загубил целое поколение. В среднем каждый год должно появляться два-три дебютанта. Они не появлялись, им негде было появляться. Получается, за эти пятнадцать лет мы недосчитались примерно тридцати новых крепких режиссеров. Это целый кинематограф. Когда несколько лет назад я пришел на телевидение, я не мог собрать группу, не было ни звукорежиссеров, ни монтажеров, ни операторов. А чего не хватает нашему кино в смысле жанра? Многого. Нет комедий, нет хороших мелодрам.

— И какую нишу вы собираетесь закрыть?

— Я просто хочу снимать кино. Сейчас у меня на очереди для меня и очень дорогостоящий проект. Надеюсь осенью приступить к съемкам. Это ретро, 50-е годы, история из нашей жизни, я набрал много совсем молодых и очень талантливых актеров. Звезды будут, но в маленьких эпизодах.

Сейчас у меня на очереди мюзикл, очень дорогой для меня и очень дорогостоящий проект

ли огромные, тогда они были даже больше, чем сейчас. У меня уже был опыт продюсирования сериала — «Каменская», мне понравилось, я вошел во вкус. Конечно, отчасти я согласился тогда по наивности. Я думал, что кино и сериал соотносятся друг с другом, как Чехов и Толстой, — Чехов писал короткометражки, Толстой — сериалы. Теперь я знаю, что сериал — это свои, особые законы, своя технология, свой формат. Кстати, многие режиссеры и актеры по-настоящему раскрылись именно на телевидении благодаря сериалам.

— Вам не кажется, что экранизация — это палка о двух концах? С одной стороны, пусть люди лучше смотрят классику, чем криминальные новости, с другой — теперь большинство людей никогда не прочитают «Мастера и Маргариты» и «Идиота», потому что думают, что они их знают.

— Я не могу отвечать за людей. Хотя после «Идиота» я наблюдал забавную картинку — шел по сочинскому пляжу, там лежали люди и читали «Идиота». Когда я брался за этот фильм, это был огромный риск, никто